

хива группы «Освобождение труда» и истории публикации переписки Плеханова и Аксельрода в 1925 г.

Второй выпуск издания завершается обширными послесловиями Савельева и Тютюкина, в которых анализируется содержание всего публикуемого комплекса документов. По сути это краткий очерк деятельности группы «Освобождение труда» с новой интерпретацией ряда ее аспектов. Авторы отмечают, что группа создавалась как прежде всего литературно-издательское объединение немногих единомышленников, отсюда ее узкий и закрытый характер. Вместе с тем издательская деятельность поставила членов группы перед необходимостью решать ряд организационных вопросов, вытекавших из составленного Плехановым проекта программы российских социал-демократов. Проект выдвинул, в частности, задачу способствовать развитию нелегальных социал-демократических кружков в России и объединению их в общую организацию. Предполагалось, что эта организация, создаваемая для борьбы с самодержавием, станет основой для работы будущей партии в конституционный период. Первым кружком, с которым была установлена связь, стала петербургская группа Димитра Благоева. Трижды (в 1887–1888, 1892–1893 и 1894–1895 гг.) предпринимались попытки создания заграничной организации, более широкой, чем группа «Освобождение труда», но во всех случаях она переживала расколы, в чем-то предвосхитившие раскол «искровцев» на II съезде РСДРП.

Дальнейшим исследованиям темы будут способствовать приложенные к публикации списки неразысканных писем, упоминаемых в публикуемых документах, обстоятельный библиографический указатель, в составлении которого принимала деятельное участие М.Д. Дворкина, и развернутый указатель имен.

**И.С. Розенталь,
доктор исторических наук
(Российский государственный архив
социально-политической истории)**

Примечания

¹ В редакционный совет серии входят С.В. Мироненко, О.В. Наумов, В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, В.В. Шелохаев и руководитель проекта П.Ю. Савельев. Кроме рецензируемых сборников, в серии вышли: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892–1905 гг.; Вып. 2: Письма А.М.Калмыковой. 1894–1905 гг. М., 2007; Из архива Б.И. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 1: Письма 1923–1930 гг. М., 2010.

² Из архива П.Б. Аксельрода (1881–1896). Берлин, 1924; Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901–1916. Берлин, 1924; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1–2. М., 1925; Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. М.; Л., 1928. См. также: Ленинский сборник II, III, IV; Переписка Плеханова, Аксельрода и Засулич с Лео Иогихесом (Грозовским, Тышкой) // Пролетарская революция. 1928. № 82–83.

F. Wcislo. Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2011. XIV; 314 p.*

Сергей Юльевич Витте – исключительный персонаж российской историографии и зарубежной русистики. Трудно представить, чтобы жизнь и деятельность какого-либо другого российского государственного деятеля конца XIX – начала XX в. привлекала к себе столь устойчивое внимание. Интерес к его фигуре не зависит от всплесков «юбилейной» заинтересованности или требований политического момента. Он объясняется просто – без оценки роли Витте как политика, дипломата, теоретика-реформатора и, наконец, мемуариста невозможно объективно разобраться в общественно-политической и социально-экономиче-

ской истории Российской империи последних десятилетий ее существования. Поэтому выход книги известного американского русиста Фрэнсиса Вчисло, посвященной столь масштабной фигуре, нельзя не считать значимым событием в современной историографии.

«Мало кто из людей императорской России оставил историкам в наследство жизнь, столь богатую мечтами и представлениями о будущем, как Сергей Витте» (р. 10), – с этими словами автора трудно не согласиться. Такое бережное и трепетное отношение Вчисло к своему герою, несомненно, повлияло на композиционное построение его исследования.

* Ф. Вчисло. Рассказы об императорской России. Жизнь и время Сергея Витте. 1849–1915. Нью-Йорк; Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. 2011. XIV; 314 с.

Оно соответствует мемуарам самого Витте. В пяти главах последовательно излагается история его жизни, начиная с генеалогических подробностей его происхождения и заканчивая последними годами пребывания на государственной службе. На протяжении всего повествования книги четко прослеживаются две сюжетные линии: собственно мемуары Витте, как литературное и историческое явление, и роль Витте в российской истории. Автор монографии далек от безоговорочного доверия к воспоминаниям своего героя. По его образному выражению, они «в большей степени дают возможность почувствовать, чем докопаться до истины», а потому, по мнению Вчисло, внимания заслуживают не столько отдельные факты, сколько контекст эпохи (р. 14). Такой подход не удивителен, ибо содержание мемуаров хорошо известно не только по их многочисленным изданиям, но и по богатой исследовательской литературе (в том числе зарубежной). Более того, сам Вчисло был одним из публикаторов последней, полной их версии¹. Что же нового дает монография для понимания сложного сплетения внутри- и внешнеполитических событий последних десятилетий существования Российской империи?

Историк считает Витте одним из крупнейших реформаторов российской экономики, стремившимся к хозяйственному освоению необятных просторов империи путем роста сырьевого экспорта, развития внутреннего потребления и привлечения международных инвестиций. Вместе с тем он убежден, что Витте не смог экономическими рычагами укрепить имперскую государственность: преодолеть центробежные тенденции, приспособить весьма самодостаточную российскую экономику к роли ключевого звена международного рынка. Оценивая реформаторские заслуги героя своей книги, Вчисло отмечает большую значимость денежной реформы, создавшей в стране благоприятный инвестиционный климат. Однако в целом виттевская модернизация, считает он, обошлась России дорогой ценой, и следствием ее было снижение уровня жизни населения.

В книге особо подчеркивается, что огромную роль в формировании мировоззрения Витте сыграло то обстоятельство, что детство, юность и начало его карьеры прошли вдали от столиц, на окраинах империи. Возможно, поэтому для Витте были характерны космополитизм, национальная толерантность, чрезвычайно широкий и разнообразный круг связей и знакомств. Здесь же, по мнению автора, коренилась и та заряженность на борьбу, даже агрессивность, которая отличала Витте как государственного деятеля.

Вчисло пытается ответить на вопрос, в какой мере деятельность Витте повлияла на драматическую развязку 1917 г., знаменовавшую конец имперского строя, укреплению которого он посвятил всю свою жизнь. В связи с этим историк выделяет три «ошибочных линии» в политике самодержавия, которые и обусловили революцию 1917 г. Первые две, по собственному признанию Вчисло, хорошо известны историкам. Одна касалась изоляции «верхов» (династии, аристократии, бюрократии) от страны. Другая отражала глубокие социально-культурные метаморфозы российского общества к рубежу XIX–XX вв., углубление пропасти между «верхами» и «низами». Самодержавие так и не смогло смягчить резкое обострение социальных контрастов, поляризацию общества. Третья же «ошибочная линия», по мнению Вчисло, была непосредственно связана с крушением надежд и расчетов Витте как многолетнего руководителя экономической политики. Его экономические мероприятия предполагали, что торгово-промышленные успехи помогут империи преодолеть центробежные тенденции, обеспечат ее целостность. Но Первая мировая война разрушила международный финансовый порядок, на котором зиждились эти расчеты, и привела к краху тот проект индустриальной евразийской державы, за создание которой он боролся (р. 242–243).

Автор книги симпатизирует своему герою, погружен в его жизнь, идеи и замыслы. Страницы монографии обильно испещрены не только цитатами из сочинений Витте, но и отзывами о нем его окружения. Однако подобная творческая методика таит в себе опасность увлечения своим персонажем, преувеличения его роли в событиях тех лет. Так, одной из спорных проблем является вопрос о времени реального ухода Витте с политической сцены. Как известно, и после отставки с поста председателя Совета министров в 1906 г. он постоянно стремился вернуться к активной политической жизни. Собственно, этой цели во многом была подчинена и его работа над мемуарами. В этой связи историк обращает внимание на П.А. Столыпина, считая, что именно тот своим восхождением на политический Олимп отодвинул Витте с привычной для него лидерской позиции. По мнению автора книги, Витте явно проигрывал молодому министру в умении находить контакт с императором. В дальнейшем же Столыпин, как пишет Вчисло, воспользовался плодами реформ Витте для своей «более авторитарной» политики (с. 193–194). Думается, что председательство в Совете министров во время революции 1905–1907 гг. вряд ли можно рассматривать как кульминацию карьеры Витте. Время его наивысшего могущества пришлось

на период пребывания во главе финансового ведомства, где ему удалось разработать и реализовать многие свои замыслы. Потеря реального влияния на внутривластные дела действительно была связана с его противостоянием с Министерством внутренних дел, но во времена В.К. Плеве, а не Столыпина.

Вчисло справедливо пишет о непримиримом противостоянии Витте и Плеве, однако односторонне оценивает природу этого конфликта как ведомственную борьбу (р. 196–197). На самом деле конфликт был обусловлен не просто разногласиями по ряду направлений государственного курса, а противостоянием двух философий политики. Витте, одержимый стремлением к безраздельному доминированию в правительстве, использовал любую возможность, чтобы лишить Плеве влияния. Наглядным примером стала их борьба за контроль над аграрно-крестьянским вопросом, который во многом был ключом к инициативе во внутренней политике. Министр финансов попытался использовать его как инструмент в продвижении не только своей программы, но и своего персонального лидерства. Именно для этого он энергично взялся за организацию работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Тем самым он сделал ставку на широкие институциональные реформы, рассчитывая на общественное участие в них как на весомый аргумент в пользу своих идей. Опытный бюрократ Плеве, наоборот, стремился к кропотливому восстановлению былого значения своего министерства, опасность утраты которого наметилась при его предшественнике, попавшем под полное влияние энергичного министра финансов. Его противодействие Витте руководствовалось стремлением к решению повседневных внутривластных задач, а действовать Плеве предпочитал с помощью привычных бюрократических процедур. Вместе с тем соперничество двух ведомств и их лидеров в разработке программы аграрных преобразований обнаруживало не только полярность подходов, но и точки соприкосновения. И Витте, и Плеве являлись «сторонниками сохранения помещичьего землевладения, оба не считали главной причиной аграрного кризиса крестьянское малоземелье, оба готовы были облегчить выход из общины зажиточного крестьянства»². Таким образом, реальная картина оказывается гораздо сложнее хрестоматийного противостояния «прогрессивного» и «реакционного» государственных деятелей.

Подобным образом обстояло дело и в дальневосточном вопросе, где, по мнению Вчисло, политическим и финансовым амбициям Витте противостоял «безобразовский» кружок

(р. 185). На самом деле, сосредоточив в своих руках решение проблем, прямо касавшихся иных ведомств (военного, морского, путей сообщения и др.), Витте откровенно провоцировал конфронтацию с коллегами по правительству. Плеве также стремился к активному участию в дальневосточных делах, но его «присоединение» к дискуссиям по этому поводу произошло гораздо позднее принятия ключевых решений, к которым Витте имел непосредственную причастность: об аренде Порт-Артура, строительстве КВЖД и проч. Поэтому обличением Плеве как виновника «маленькой победоносной войны» и союзника «безобразовцев»³, Витте стремился затушевать свою ответственность за провал дальневосточной политики.

Именно принципиальная позиция Плеве, его последовательность в полемике в конечном итоге определили поражение Витте в этой жесткой межведомственной борьбе. Поэтому трудно согласиться с автором книги, который полагает, что конец этому противостоянию положила гибель Плеве. Политический закат Витте начался гораздо ранее трагической кончины его оппонента.

Что касается Столыпина, то вряд ли критика его деятельности в мемуарах Витте могла рассматриваться как весомое оружие в арсенале политической борьбы. Столыпин никогда не видел в опальном политике серьезного конкурента. Действительно, в основу столыпинских реформ легли материалы, подготовленные до того, как он пришел к власти. Однако отнюдь не Витте был главным автором этих разработок. Так, проект реформы местного управления во многом основывался на идеях, высказывавшихся еще во времена Плеве.

Понимание обстоятельств и характера трансформации российской политической и экономической истории невозможно без анализа персонального влияния на них С.Ю. Витте. Выход новой интересной книги о нем – яркое тому подтверждение.

А.С. Минаков,
кандидат исторических наук
(Орловский государственный
университет)

Примечания

¹ См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Т. 1. Кн. 1–2; Т. 2. СПб., 2003.

² Корелин А.П. Истоки российской предреволюционной драмы // Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 50.

³ См.: Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 611, 652.